

УДК 94(470)"1921/1926"

**СЛУХИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В СЕЛЬСКИХ УЕЗДАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД НЭПА**

© 2019 г.

*Р.А. Дашкин¹, В.А. Сомов²*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²Российского государственного университета правосудия, Н. Новгород

dashkinra@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.04.2018

Рассматривается один из факторов процесса формирования образа советской власти в массовом сознании жителей сельских уездов Нижегородской губернии в период с конца 1921-го по начало 1926 года. Источниковой базой послужила как опубликованная, так и не публиковавшаяся ранее делопроизводственная документация. В оборот вводится ряд новых источников, а именно архивные данные, содержащие протоколы заседаний губернского комитета, волостных комитетов, уездных комитетов, а также материалы к ним; отчёты ОГПУ и уголовного розыска, сводные ведомости, анкеты и жалобы, свидетельские показания и протоколы судебных заседаний, а также материалы следственных органов и прокуратуры.

Ключевые слова: слухи, НЭП, новая экономическая политика, крестьянство, социальная история, историческая психология, кулачество, общество и власть, уездный комитет, волостной комитет, УГРО, история повседневности, Нижегородская губерния.

1920-е годы для России – во многом уникальный период смены эпох и формаций. Это время соседства полярно разных ментальных установок, начало формирования «нового человека», «колыбель» советской цивилизации. Изучение периода НЭПа даёт возможность реконструировать историю столкновения и взаимовлияния старых форм менталитета с новыми, его влияние на процессы общественного развития в рамках истории повседневности.

Одним из направлений в работе по изучению ментальности граждан РСФСР, СССР в период новой экономической политики является изучение информационной среды, которая была характерна для этой эпохи. Для удобства можно назвать эту среду или пространство информационным полем или фоном.

Говоря о «фоне» или «поле», мы подразумеваем актуальную для общества в конкретный момент времени в прошлом интерпретацию различной информации, которая имела хождение в обществе. Среди этой информации выделяются выражаемые в форме анонимной людской молвы мнения о событиях у представителей широких слоёв населения – слухи. Слухи – явление массового характера, они связаны как с реальными фактами, так и с преувеличениями последних, равно как и с лживыми или фантастическими утверждениями, имеющими «хождение» в народной среде.

Говоря о феномене слухов, нельзя забывать, что большинство населения сельских уездов в 1920-е годы оставалось неграмотным. Ввиду

этого информационный фон, порождаемый населением сельских уездов и волостей, можно реконструировать лишь частично, через имеющиеся узкую специфику, документально зафиксированные устные суждения, мнения граждан (сплетни, байки, слухи, связанные с повседневной действительностью). Это важно отметить, т.к. большая часть информационного пространства формировалась (программировалась) и регулировалась именно устными вводными и переменными, относящимися к системе передачи информации «из уст в уста», и мы в данной работе затрагиваем лишь отдельную часть, доступную нам в форме источников.

Речь идёт не только об анонимном выражении мнения, но и о резонансных новостях, которые не могли получить никакого другого распространения, кроме устного. Эти новости могли не иметь отношения к фактической действительности, но были в числе наиболее обсуждаемых и часто упоминаемых в различных отчётах и сообщениях, в частности как причина тех или иных событий (как негативного, так и позитивного характера). Мы считаем важным сконцентрировать внимание на слухах и сплетнях, имевших широкий общественный резонанс и получивших отражение в источниках, так как это был значимый фактор общественно-политической жизни.

Современная историческая наука в настоящий момент активно разрабатывает различные подходы к изучению слухов, исследуя их, в частности, как самостоятельный вид историче-

ского источника. Появляются работы, анализирующие онтологию слуха как предмета изучения, подчёркивая ряд его особенностей. Современные исследователи, к примеру, подчёркивают, что «одним из условий и механизмов идентификации сообщения как слуха является культурная дистанция. В России эта дистанция определялась расколом страны на «культурные верхи» и «невежественные низы» [1]. Данное утверждение относится к первой половине XIX века. Считаем, что это так же справедливо и для периода 1920-х годов. Мы применяем данное положение к ситуации соотношения крестьянства и большевиков, которые объективно были носителями более передового мышления, во всяком случае имели, в среднем, образование на порядок выше, чем среднестатистический крестьянин.

Следует упомянуть также и другие замечания исследователей, к примеру о том, что «слух исторического источника может не иметь прямого отношения к слуху, как он понимается в науке. В источниках официального происхождения слухом могло стать любое «нелепое» высказывание, подтверждающее, с точки зрения представителя «верхов», «невежество» народа. Такое понимание слухов автором источника может создать проблемы для исследователя. Источник может определить как слух то, что является не слухом, главная черта которого – передача от человека к человеку, а лишь единичным высказыванием. Историк же может посчитать, что это единичное высказывание имеет широкое распространение, оказывая влияние на поведение людей и исторический процесс» [2]. В данном случае следует понимать, насколько важна критика источника и саморефлексия самого исследователя в процессе работы с документами.

Устанавливая сам характер того, какое сообщение мы берём за «слух», уточним, что, во-первых, мы считаем слухом ту информацию, которую явно, совместно с автором источника, считаем либо «передёргивающей» факты, либо не соответствующей объективной действительности, являющейся результатом трансляции впечатлений, а не пересказом фактической действительности и (соответственно) помеченной в источниках как «слух» (равно как и: «ходят слухи», «распускал слухи», «появились слухи» и т.д.), а во-вторых, понимаем под этой информацией (в частности) те «сведения, которые возникают из анонимных источников спонтанно или целенаправленно как в мирное, так и военное время и распространяются стремительнее, чем официальная информация... способствуют формированию общественного сознания, имиджа личности или организации. Могут спрово-

цировать панику и дезорганизовать работу трудового коллектива, скомпрометировать политических лидеров, органы власти и торговые марки» [1]. Именно изучение таких явлений, связанных с ментальностью, имеет для нас весомую значимость в удельной массе реконструкции исторического процесса.

Ввиду этого приведём справедливое, на наш взгляд, замечание о том, что «наиболее опасны последствия слухов, возникающих в процессе политических и экономических кризисов, социальной нестабильности и экологических катастроф» [1]. Отметим, что и сама форма передачи подобной информации (т.е. в рамках каких событий и кем конкретно распространялись слухи) является для нас определённым показателем в реконструкции не только истории повседневности, но и в исследовании ментальности населения сельских уездов Нижегородской губернии. Иными словами, слухи или распространяемые ничем не подтверждённые данные – это одна из значимых сторон жизни жителя сельского уезда, изучая которую можно дополнить суждение о его ментальности.

В слухи человек верил, только если находил их соответствующими его внутренним чаяниям или ощущениям, т.к. видел их весьма правдоподобными. Мы можем предположить, что для большинства слухов имелись основания (хотя бы когнитивного характера). Эти основания, с одной стороны, могли корениться в неверном или поспешном истолковании действий власти, а с другой стороны, злоумышленники могли специально трактовать действия власти в выгодном им «прочтении». Именно поэтому так весома становилась роль «грамотного» человека, который понимал в происходящем, по общему мнению, больше других. Говоря иначе, действия власти могли быть не всегда понятны большинству населения, и отсутствие полноты информации о новостях и событиях, в целом, могли компенсироваться мнением авторитетных членов общества. Это могло быть одним из значимых факторов появления слухов, в виде заведомой лжи или добросовестного заблуждения того, кто дополнял официальные источники информации и факты действительности своим авторитетным мнением.

Умышленное распространение заведомой неправды или же, напротив, вера в то, что содержала в себе информация (вводная), – это двойственность самого явления слухов, с которой приходится считаться авторам исследования. Но в конечном счёте авторы выступают с позиции того, что слухам следует уделить особое пристальное внимание, проанализировать влияние информационно-идеологического фактора и эмоционального восприятия действительности

на поведение человека. Это относится, например, к слухам, «которые, будучи результатом отображения в сознании определенных образов действительности, способны продуцировать определенные эмоции и, как следствие, – материальные поведенческие результаты, выраженные в конструктивной либо деструктивной форме» [3].

Таким образом, слухи и их распространение помогают понять такие ментальные особенности, как: надежды и чаяния населения, его страхи и опасения, а также политическую, экономическую, социальную и культурно-бытовую повестку дня. Это мнение разделяют многие исследователи, заявляя, в частности, следующее: «...слухи могут изучаться историком... как исторический источник, в частности позволяющий лучше понять массовое сознание людей» [2, с. 7].

Изучение слухов, которые имели хождение в сельских уездах Нижегородской губернии в период 1920-х годов, даёт возможность глубже изучить менталитет населения, понять психику «людей прошлого как целостного структурно организованного единства, подчиняющегося общепсихологическим закономерностям» и использовать для исследовательских целей психологических моделей [3, с. 39].

Непосредственно по материалам Нижегородской губернии 1920-х годов слухи уже упоминались и избирательно анализировались в рамках более общей работы, опубликованной в сборнике «Власть и общество» [4]. Исследование публиковалось совокупно с некоторыми примерами источников по данной проблематике. Но другого исследования различного рода слухов и их влияния в период НЭПа на общественно-политическую ситуацию в губернии не предпринималось.

Мы предпримем реконструкцию восприятия образа советской власти в массовом сознании значительной части крестьян Нижегородской губернии с помощью анализа такого специфического источника, как слухи и сплетни не только о самой власти, но и в целом имевшие политический характер или широкий общественный резонанс, равно как и иные политико-социальные последствия.

Нами анализируется материал из отчётов ОГПУ [5], межведомственной переписки сводных ведомостей ГУБКОМа, УКОМов и ВОЛКОМов, а также материалы к протоколам съездов и данные заседаний ведомств и комиссий.

При всем своем многообразии и пёстром содержании, фантастического или обыденного характера, смысловое наполнение большинства изученных нами слухов в основном одинаково. Они имеют антисоветский, дестабилизирующий

политическую ситуацию характер. Возможно, что слухи, так сказать, не опасные, которые не расценивались как контрреволюционные, не фиксировались, т.к. не имели практической для отчётов значимости.

Слухи иного рода были направлены либо против местных партийных ячеек, либо против отдельных представителей из большевистской среды, против партии, против советской власти в целом. Отдельно можно упомянуть еще и о слухах общего дестабилизирующего характера, отражавших волнение масс из-за неуверенности в стабильности советской власти или отражавших эсхатологические ожидания, спровоцированные, в том числе, как природными явлениями, так и голодом. Слухи, при всей своей интенсивности, редко были стихийными, но чаще целенаправленно координировались. Слухи можно уверенно считать орудием идеологических противников и врагов власти большевиков и диктатуры пролетариата. В этом плане слухи заменяли недоброжелателям прессу и радио, социальные сети.

Далее мы максимально сжато описываем социально-экономические тенденции в бытии сельских уездов 1920-х гг., т.к. это важнейшая часть формирования общественного сознания. Не обратив внимания на экономические, социально-бытовые реалии, сложно реконструировать целостное понимание общественно-политической значимости слухов. Следует отметить, что в середине 1920-х годов в сельских уездах происходит активная фаза имущественного расслоения крестьянства [6, л. 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об.]. Эти процессы экономико-хозяйственного характера сопровождаются острым социальным конфликтом, в том числе нашедшим своё отражение и в информации.

Самую активную роль в общественной жизни сельских уездов начинает играть кулачество [6, л. 6, 6 об.]. Влияние кулаков в сельских уездах становится определяющим благодаря слабости советских институтов или из-за проникновения в них представителей финансовой верхушки новых и старых сельских буржуа. Делегаты пленума ГУБКОМа открыто заявляли: «в деревне или нет нашего влияния или оно искажено» [7, л. 116]; «в области советского строительства партийные организации в деревнях не добились существенных, заметных результатов» [8, л. 184].

Причины «господства» кулаков были в основном экономического характера. Росла площадь арендуемых кулачеством земель с таким же количеством кабальных сделок [8, л. 43]. Это значило, что крестьянин отдавал свою землю кулаку в аренду, сам становился на ней же батра-

ком. Это происходило из-за зависимости, в которую попадал крестьянин-«бедняк» [6, л. 5 об.]. В источнике мы находим следующее: «в местах пострадавших от неурожая в 1925 году, отмечается тенденция со стороны кулацкого элемента, закабаления бедноты, т.к. население этих районов вынуждено питаться лебедой и другими суррогатами, за отсутствием хлеба, на почве этого распространяются всевозможные болезни, а кулаки отпускают беднякам хлеб с таким уговором, что они осенью должны отдать в троекратном размере. По мнению кулаков у них теперь идёт самая выгодная работа именуемая годовой выручкой. На этой почве многие вынуждены идти в подёнщину к кулаку, не редко вовсе бросая своё хозяйство. Наблюдаются случаи и довольно частые, когда безлошадные хозяйства вынуждены сдавать свою землю тайно более зажиточным, т.е. взявший землю должен её обрабатывать, убрать урожай и за это взять себе половину всего урожая» [9, л. 80].

Крестьяне попадали в зависимость в результате ростовщической деятельности кулачества, широко оказывающего «банковские» услуги населению под варварский процент, который мало кто мог выплатить, но ввиду отсутствия альтернативы люди вынуждены были на это идти, иначе им грозила голодная смерть. Далее приводим цитату, полностью описывающую этот механизм: «опасность кулака в том, что он имеет возможность не расходовать средства в своём хозяйстве, давать их в кредит односельчанам, но если кулак даёт весной пуд, то осенью он берёт два. Это ставит односельчан в зависимость, чей хлеб ешь того песню и пой. Зависимость лишает самостоятельности. Роль кулака как перекупщика огромна, у кулаков концентрируется до 60% всего хлеба, то есть у 14% населения 60% всего хлеба. Таким образом, кулак – диктатор не только в деревне, но держит в зависимости весь рынок» [6, л. 6 об.].

В данном контексте антисоветские слухи следует рассматривать как дополнительное подспорье для экономического и социально-политического доминирования кулаков и их союзников в сельских уездах. «Сумеет ли наш агитпроп справиться с кулацким агитпропом, в виду того, что кулаки успешно обрабатывают крестьянские массы искусно извращая все решения партии и постановления советского правительства?» [10, л. 22–23]. Одной из веских причин веры крестьян в авторитетность мнения кулачества, помимо полного его экономического господства, можно считать то обстоятельство, что на селе было «неграмотных до 93% всего населения» [8, л. 36]. Это также становилось причиной хозяйственной отсталости крестьян, попадавших в зависимость от кулаков.

Типичную реакцию на инициативы советской власти, выраженную в слухах, можно проиллюстрировать следующими примерами: «в связи с усилением работы среди женщин, кулаки пускают слухи, что, дескать, ничего у коммунистов не вышло с мужиками, так они хотят использовать баб» [7, л. 117]; «если (советский работник. – Прим. авт.) не пьёшь с людьми, не спляшешь, то слух пойдёт, что чванишься, авторитет потеряешь» [7, л. 116]; «которые с крестьянами пьют, тех крестьяне не уважают, про таких сразу слух идёт, что его за бутылку купить можно, плохой он работник» [7, л. 117]; «среди кулацких элементов, отмечаются слухи, что Франция прижмёт скоро СССР к стенке и заставит уплатить все царские долги, как бы не ерепенились коммунисты, иначе Россия всегда будет изолирована и лишена кредитов на восстановление хозяйства страны» [9, л. 77]; «кулак д. Кулагино Хвостиновской волости К. подговаривает крестьян не платить налоги, пускает слухи, что жида хотят восстановить 1918–20-й гг., раз в начислении налога принимают все доходные статьи хозяйства» [9, л. 80]. Как видно из выше процитированного, суждения и слухи касались полного спектра всей политики и деятельности большевиков, начиная от работы в деревне, кончая внешней политикой и налогами.

Нехватка прессы в деревне и отсутствие достаточного количества грамотных людей – всё это создавало информационный вакуум, который, к слову, охотно заполнялся самими крестьянами с точной подачей сельского гегемона – кулака. «По всей губернии распространяются всевозможные провокационные слухи – главным образом, говорится о возможности в ближайшее время войны, о падении курса червонца, о дороговизне продуктов и возможности голода и т.п. Так, например, среди крестьян Салавирской волости, слухи о войне передаются по секрету, говорят, что война будет весной. На базарах разговоры крестьян сводятся к одному и тому же: товаров стало меньше, курс падает – это перед войной. С кем будет война – суждения различны: одни говорят с Латвией, другие с Японией, Францией, Польшей, Англией» [9, л. 77].

Это можно было бы рассматривать как обычные разговоры, но крестьяне оказывались взвинчены подобными «новостями» и высказывали открытое недовольство по поводу реальной политики большевиков, а именно относительно продажи хлеба и углеводов за границу: «хороший хлеб отдаём врагам и голодаем, хорошее топливо идёт за границу, а свои паровозы топим плохим, от чего движение не нормальное» [9, л. 76]. «В ряде сёл и деревень ходят слухи, что русские и заграничные буржуи

списываются на счёт войны с большевиками, которая будет вестись не ружьями, а газами, изобретёнными американцами, будут их кидать бомбами с аэропланов. Что после этой войны большевиков уничтожат и будет царь, который перевешает оставшихся большевиков. Другие говорят, что будет править Николай Николаевич, что об этом, якобы рассказал какой-то старичок – странник» [9, л. 76]. У подобных слухов вполне понятная структура и посыл: большевики не умеют управлять, есть силы сильнее большевиков, за граница нанесёт такой удар, что ответить будет нечем. Очевидно, что речь идёт не просто о досужей болтовне, упор делался на хаотизацию общественной жизни и дискредитацию власти.

Характерно, что большинство авторов слухов обозначалось в документах как «кулачество», но были и просто «не чистые на руку» люди, работавшие в уездных органах власти, идейно и в поведении отрицавшие идеи большевизма. В частности, можно привести такие примеры из источников: «председатель Федяковского ЕПО (единого потребительского общества. – *Авт.*) расхитивший 250 руб., распускает слухи о какой-то войне и призывает не платить сельхозналог» [11, л. 19]; «за бывшим эсером С., ныне сотрудником администрации отдела Семёновского УИК (уездного исполнительного комитета. – *Авт.*) наблюдается распространение ложных слухов по адресу членов РКП(б) и в адрес всей милиции и партии в целом» [9, л. 74]. Бывало, что и представители советской власти на местах активно работали на дело дезинформирования населения и нагнетания обстановки.

Было в цепи слухов и ещё одно, важнейшее звено, без которого доверие к подобным суждениям и сплетням существенно бы спало, а именно: «духовенство всемерно старается содействовать распространению всевозможных слухов в деревне, а также внедрить темному населению необходимость изучения закона божьего, молиться и т.п.» [12, л. 80]. Сам характер содержания слухов говорит о высокой степени религиозности населения: «распространяются суеверные слухи – якобы, один гр-н с. Ключищи по дороге со ст. Зимёнки домой, видел лохань полную крови. Напугавшись, мужичок погнался лошадь и по дороге нагнал нагую женщину с ребёнком на руках, проехав эту женщину, мужичек нагнал стражника, который ему пояснил, что лохань с кровью, означает всемирную войну в скором времени, а нагая женщина – это богородица с младенцем на руках, снизошедшая с неба, для искупления грехов мира. После чего мужичок, сильно испугавшись, по приезду домой, скончался» [9, л. 76].

«Суеверные слухи» имеют, как правило, несколько сценарных вариантов. Во-первых, были распространяемы слухи о конце света, т.е. основным их содержательным моментом является эсхатологическая составляющая. К примеру, от сентября 1923-го года: «в Первомайском районе поймали человека, который агитировал кончину мира, которая в связи с Японскими событиями близка (сильное землетрясение, магнитудой 8.3, произошедшее 1 сентября 1923 года в Японии. – *Прим. авт.*). Личность задержанного гражданина установить не удаётся, проповедовал о приходе антихриста и что большевики ему служат, а теперь кто за них, тот с антихристом» [13, л. 33]. Суеверные слухи, имея различные структурно-смысловые особенности, содержательно сводятся к единому знаменателю: то, что происходит здесь и сейчас – это признак скорого конца света, одним из признаков которого является власть большевиков. Сопровождается всё это активной проповедью священнослужителей против уплаты налогов и набора в Красную армию [14, л. 65].

Слухи с религиозным оттенком очень уместно дополнялись рассказами о наличии альтернативы советской власти. Приведём пример от января 1924 года: «в Семёнове все говорят о том, что в Германию приехал царь Николай живой и здоровый, а многие утверждают, что через Красные Баки, для занятия Российского престола проезжал Михаил» [15, л. 2 об., 3]; «кулаки и духовенство Панинского района распустили слух по всему Павловскому уезду, что советскую власть раздавит великий князь Николай Николаевич с помощью иностранных держав, притом в самое ближайшее время» [15, л. 6]. Единодушные кулачества и духовенства легко можно понять, как сообщает источник: «политическое настроение торговли не доброжелательное, большинство кулаков ведут тесную связь с духовенством и часто состоят церковными старостами, председателями и членами церковных советов» [15, л. 2 об.].

Все вышеперечисленные примеры информационного воздействия на население имеют чётко доказуемую структурность и взаимосвязанность. Через нашедшие своё отражение в источниках сведения о тех или иных слухах, распространяемых частью кулачества и духовенства, мы можем реконструировать фрагмент политической культуры, характерный для этих слоёв, а значит, и частично представить себе ментальность, её порождающую. Можно утверждать, что данные отголоски информационного поля, которые дошли до нас через источники, это примерная структура мышления кулаков и части духовенства в сельских уездах.

Таким образом, можно резюмировать, что кулачество и часть духовенства осуществляли путем распространения слухов последовательное информационное воздействие на население в сельских уездах Нижегородской губернии. Информационный посыл кулачества был направлен на подрыв доверия к советской власти и к партии большевиков, на снижение их авторитета и дискредитацию. Данная деятельность демонстрирует ментальные особенности кулачества как части общества и частично говорит о ментальности остальной части населения сельских уездов Нижегородской губернии. Кулачество было реакционно, советской власти явно враждебно, при НЭПе получило самое всестороннее развитие и начало противодействовать советской власти, в том числе с помощью слухов. Крестьяне в 1920-е годы были сильно религиозны, не имели в своем большинстве светского образования, настроены по отношению к партии большевиков с недоверием. В сельские уезды Нижегородской губернии в 1920-е годы коммунистическая идеология еще не проникла.

Список литературы

1. Максимова Е.Р., Муканалиева А.Р. Слухи и сплетни // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 5. С. 599.
2. Егоров А.К. Слухи как предмет исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3-2 (148). С. 7–10.
3. Сомов В.А. Применение историко-психологического метода при изучении мотивации труда // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 33–41.
4. Макаров В.Б. Власть и общество в 20-е годы (аспекты взаимоотношений) // Общество и власть. Российская провинция. Т. 1. 1917 – середина 1930-х годов. М., 2002. С. 145–146.
5. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3623; Д. 3624; Д. 4174; Д. 4334; Д. 4914.
6. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4130.
7. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4143.
8. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4305.
9. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4334.
10. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4146.
11. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4178.
12. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4914.
13. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3450.
14. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3560.
15. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3623.

RUMORS AS A REFLECTION OF THE SOCIO-POLITICAL SITUATION IN RURAL DISTRICTS OF THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY (NEP)

R.A. Dashkin, V.A. Somov

The aim of the article is to study one of the factors that contributed to the shaping of the image of Soviet power in the mass consciousness of the rural population of the Nizhny Novgorod province in the period from late 1921 to early 1926. The source base for this research included record-keeping documents (both published and unpublished ones). A number of new sources have been introduced into scholarly circulation, namely, historical data containing the minutes of the meetings of the Criminal Investigation Department (CID, UGRO), County Committee (UKOM), township Committee (VOLKOM), the GPU summary sheets, forms and complaints, witness statements and trial transcripts, and materials of the investigative bodies and the Prosecutor's office.

Keywords: rumors, gossips, NEP, new economic policy, kulaks, society and power, Criminal Investigation Department (CID, UGRO), County Committee (UKOM), Township Committee (VOLKOM), GPU, social history, history of everyday life, Nizhny Novgorod province.

References

1. Maksimova E.R., Mukanaliev A.R. Sluhi i spletni // Byulleten' medicinskih internet-konferencij. 2016. T. 6. № 5. S. 599.
2. Egorov A.K. Sluhi kak predmet istoricheskogo issledovaniya // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3-2 (148). S. 7–10.
3. Somov V.A. Primenenie istoriko-psihologicheskogo metoda pri izuchenii motivacii truda // Dialog so vremenem. 2010. № 30. S. 33–41.
4. Makarov V.B. Vlast' i obshchestvo v 20-e gody (aspekty vzaimootnoshenij) // Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. T. 1. 1917 – sredina 1930-h godov. M., 2002. S. 145–146.
5. Gosudarstvennyj obshchestvenno-politicheskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti (GOPANO). F. 1. Op. 1. D. 3623; D. 3624; D. 4174; D. 4334; D. 4914.
6. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4130.
7. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4143.
8. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4305.
9. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4334.
10. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4146.
11. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4178.
12. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 4914.
13. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 3450.
14. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 3560.
15. GOPANO. F. 1. Op. 1. D. 3623.